

— «В очерке «Плоть искусства» вы писали: «...Художник зависим от массового зрителя, обязан учитывать его желания, его интересы. Учитывать и только-то? Нет, мало! Он, художник, должен знать больше того, что желательно зрителю, чувствовать острее и тоньше зрителя, быть проницательней его». Но разве художник безгрешен и его проницательность всегда верна? Имеет ли писатель право на поиски или обязан ни в чем не ошибаться? Мне всегда казалось, что имеет. Я, к примеру, учитель, не согласен с некоторыми вашими взглядами на педагогику, что не умаляет моей любви к вашим книгам. Вы уверены, что всегда были правы? Если нет, то не обязаны ли вы выступить с собственными опровержениями, переделать произведения, где, на ваш теперешний взгляд, есть ошибки?» (М. Калитиевский, Хабаровск).

— Взгляды читателя Калитиевского из Хабаровска, мягко выражаясь, несколько странны. «Знать» для него равнозначно «не ошибаться», быть проницательней кого-то — значит непременно претендовать на безгрешность. А уж коль художник пытается предложить зрителю больше того, что он, зритель, может для себя пожелать, то почему-то делается вывод — сие, мол, несовместимо с правом на поиски.

Нужно ли доказывать, что для человека, стремящегося к познанию, вероятность совершить ошибку больше, чем для человека, совсем не пытающегося познавать? Равно как не проницательный менее грешит перед истиной по той простой причине, что не стремится ее заполучить. То есть все это варианты общеизвестного «не ошибается тот, кто ничего не делает».

Но хочется спросить читателя Калитиевского: с таким ли уж ревностным интересом он станет читать произведение писателя, который сообщает лишь то, что ему, Калитиевскому, известно, показывает то, что он, Калитиевский, сам давно заметил? Не больше знающий, не тоньше чувствующий писатель — да на кой он лях читателю! Уж если ты взял на себя обязанность что-то сообщить, то все сообщение обесмысливается, если не будет нести в себе элементов нового. Ты должен быть не только глашатаем, но и первооткрывателем.

Разумеется, быть первооткрывателем во всем и вся невозможно, а потому проницательность писателя ограничена той частицей мира, которую он показывает. Любой из читателей может превосходить писателя проницательностью в других областях.

Позволю себе напомнить слова А. И. Герцена: «Поэты в самом деле, по римскому выражению, — «пророки», только они высказывают не то, чего нет и что будет случайно, а то, что не известно, что есть в тусклом сознании масс, что еще дремлет в нем».

— Можете ли вы выделить в своем творчестве, по выражению читательницы Н. По-

сказалась на моих первых произведениях. В повести «Не ко двору», например, лишь плохие Ряшкины портят колхозы. И всем тогда было совершенно ясно, на чьей стороне автор с читателем.

Но со временем мне открылось: плохие люди портят жизнь — слишком наивная концепция, чтоб ею объяснить все прототипы и убытки нашего сложного мира. Как часто люди, достойнейшие по натуре, попададая в крутые обстоятельства, вынуждены поступать дурно, порой даже преступно. Детские, на первый взгляд, вопросы «что такое хорошо?», «что такое плохо?», оказывается, одни из самых трудных и мучитель-

ков из Тули. Другие читатели не столь категоричны, но все же многие считают, что в диалогах на морально-этические темы всегда виден перевес одного из героев и он высказывает Ваши собственные мысли...

— В своих произведениях я высказываю не чьи-то мысли, не чьи-то ощущения, а только свои. Именно для их выражения я и призываю на помощь различных литературных героев, как разделяющих мои взгляды, так и отвергающих их. Те и другие в одинаковой мере для меня средство самовыражения.

— Некоторые читатели считают, что Вы нарочито мало заботитесь о правдоподобности ситуации, что ваша задача — поставить героя в исключительное положение, чтобы наиболее полно показать внутренний мир человека. Есть мнение и противоположное: ситуации, хотя они чаще всего исключительные, выписаны удивительно правдиво, веришь, что все это было на самом деле, что проблема появилась благодаря увидению или услышанному реальному случаю, а не наоборот...

— А зададимся крамольным вопросом: не грешил ли против правдивости, скажем, Шекспир, который заставлял ревнивца душить свою жену, или Лев Толстой, погнавший своего героя в Сибирь из-за угрызений совести? В жизни подобные случаи редки, даже маловероятны — и во времена Шекспира ревнивы чаще ограничивались семейными скандалами, и угрызения совести, как правило, людей в Сибирь не гнали.

Но что если б Шекспир и Толстой ограничились заурядной житейской правдивостью? Не безумный, а хладнокровный Отелло, князь Нехлюдов с умеренными порывами совести, Анна Каренина, не бросающаяся под поезд... Да воздействовали бы на нас столь житейски характерные образы, не отвернулись бы мы с равнодушием от такой унылой достоверности?

Художник должен быть более правдивым, чем сам факт. Он обязан не просто показывать то, что характерно для жизни, а, преувеличивая характерное, доводить его до исключительности.

Я в меру своих сил пытаюсь следовать этому общему для всего искусства правилу.

Беседу вел
М. ПРОКУДИН

Владимир ТЕНДРЯКОВ

ХЛАДНОКРОВНЫЙ ОТЕЛЛО?

Беседа с письмами в руках

номаревой из Обнинска, «природы»? Вот что она пишет: «Мне совершенно ясно, на чьей стороне я — читатель и автор — писатель в повестях «Чудотворная», «Не ко двору», «Ухабы». Но в последнее время Тендряков почему-то скрывает свое отношение к героям. причем так искусно, что я никак не могу разобраться, как он к ним относится. В чем дело?»

— Когда-то (ей-ей, давно) я делил весь мир на хороших людей и плохих. Хорошие-де стараются сделать жизнь лучше, плохие ее портят. И казалось, что стоит только хорошим не жалеючи навалиться на плохих, как на земле наступит царство свободы и справедливости.

Должно быть, эта мальчишечья убежденность просочилась у меня сквозь фронтовые и студенческие годы и как-то

общественных вопросов, на которые иногда нельзя дать однозначных ответов. И в самом человеке хорошее и дурное неразделимо, слито воедино, как едина противоположности в текучей природе.

Вот когда я перестал видеть в мире только черное и белое, положительное и отрицательное, попытался другим показать улавливаемые мною оттенки, нюансы, резкие противоречия как вне, так и внутри человека, то услышал в свой адрес упреки — не ясен, смутен, даже социальной заостренности не осталось, не указываешь карающим писательским перстом на виновников.

Что ж, наверное, так оно и есть. Но... не могу иначе.

— «Читал ваши произведения, я убеждаюсь, что всегда в них есть человек, думающий и говорящий так же, как и вы. Так я считаю, что Андрей Бирюнов («За бегущим днем»), Федор Материн («Свидание с Нефертити») — это вы», — пишет А. Мона-

25